

УДК 291.1

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-91-97

**СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
КАРИТАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РПЦ****LIFE-SENSE STRATEGIES OF INSTITUTIONALIZING CHARITY ROC****Е.А. Царенкова****E.A. Carenkova**

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia

E-mail: ecarenkova@yandex.ru**Аннотация**

В данной статье будет рассмотрен формирующийся в современных условиях институт каритативной деятельности Русской Православной Церкви. Процесс институционализации каритативной деятельности Русской Церкви может быть представлен как процесс формирования такого сообщества, которое правомочно самостоятельно определить не только стандарты и нормы, но и направления и проблематику своей деятельности.

Abstracts

This article discusses emerging in modern conditions Institute of charitable work on the Russian Orthodox Church. The process of institutionalization of charitable work of the Russian Church can be represented as a process of formation of such a community, which alone is competent to determine not only the standards and norms, but also the direction and perspective of their activities.

Ключевые слова: милосердие, каритативная деятельность, сострадание, нормативные экспектации, институционализация.

Keywords: charity, charitable work, compassion, regulations expectations, institutionalization.

Угроза войн, террористических актов, катастроф и стихийных бедствий заставляет нас формировать новые социальные и духовные ориентиры, концентрированно выражающие в себе стремление человечества к гуманизму, милосердию. Милосердие понимается как исходная установка, методологический ориентир, базовая потребность, коренящаяся в деятельной социальной природе человека, филогенезе и историческом опыте человечества. Мы условно разделяем милосердие на религиозное и светское, хотя его суть остается неизменной в различных культурно-мировоззренческих системах.

Рассматривая институционализацию милосердно-благотворительной деятельности Русской Православной Церкви, следует вспомнить как определяет один из классиков социологии XX века Т.Парсонс, институционализацию. По Парсонсу, это такая область, «в которой выявляются действующие в социальных системах нормативные экспектации, коренящиеся в культуре и определяющие, что именно надлежит делать при тех или иных обстоятельствах людям в различных статусах и ролях... эти экспектации интегрируются с мотивами деятелей в ролях, то есть с тем, что они «испытывают побуждение» сделать или «хотят» сделать в соответствующих ситуациях и обстоятельствах»[1, с.365]. Иными словами, социальные действия являются упорядоченными, организуются в системы, институционализируются, и мы можем предугадать стратегию человека в той или иной ситуа-

ции, и соответственно с этим выстраивать собственные действия. Такая упорядоченность и предсказуемость, по мнению Парсонса, поступков возможна благодаря установленным в данном сообществе нормативных ожиданий – экспектаций. По отношению к индивиду эта система норм возможна благодаря организованности мотивов, которые побуждают его поступать в соответствии с предписанием нормативных ожиданий данного сообщества. Т. Парсонс вводит понятие нормативной экспектации, признавая феномен цели.

Исходя из теории Т. Парсонса, существует обширный набор позитивных и негативных санкций (реакций социальной группы на поведение индивида), которыми поощряется ожидаемое и наказывается отклоняющееся поведение от социальных ожиданий, норм и ценностей. Однако, принципиально важно то, что нормативные ожидания интериоризируются в структуре личности и становятся мотивами действия, определяемого не извне, не страхом наказания или стремлением к вознаграждению, а собственным, исходящим изнутри личности, побуждением и желанием. Примерно по той же схеме в современном обществе, в котором милосердие выступает как один из социальных институтов, каритативная деятельность упорядочивается и организуется как взаимодействие между христианами и безрелигиозными людьми. Следует отметить, что институционализация каритативной деятельности – это одновременно и результат происходивших ранее исторических процессов, и длительный, еще не завершившийся процесс наших дней.

В данной статье мы рассмотрим формирующийся в современных условиях институт каритативной деятельности Русской Православной Церкви. Процесс институционализации каритативной деятельности Русской Православной Церкви может быть представлен как процесс формирования такого сообщества, которое правомочно самостоятельно определить не только стандарты и нормы, но и направления и проблематику своей деятельности. Образование такого сообщества христиан позволяет говорить о создании социального института милосердия Русской Православной Церкви. Этот институт, однако, должен получать поддержку – в формах признания, то есть одобрения со стороны общества смысла и целей его деятельности, возможностей материального обеспечения, и т.д. Получение же поддержки, в свою очередь, обусловлено теми полезными и даже необходимыми для общества продуктами и результатами, которые способна представить ему каритативная деятельность Русской Православной Церкви.

Анализ институционализации милосердия РПЦ необходимо начинать с определения такой важной формы общественного объединения как церковь. Русская Православная Церковь является таким объединением, где общественное поведение прихожан и клира в значительной степени рационально упорядочено своими целями и средствами их достижения, принятыми установлениями, каковыми являются, например, символы веры, канонические правила, заповеди, обряды, таинства и т.д. Следовательно, церковь в религиоведческо-социологическом аспекте – это такое сообщество, внутри которого действует следующий принцип: отдельный индивид, участник общественного действия (культы), один из тех, на кого распространяется ожидания, что его поведение будет ориентировано на определенные установления. Конститутивное для такой формы объединения поведения индивида характеризуется тем, что при наличии известных объективных данных, присутствующих определенному лицу, от него ожидают участия в общих культовых действиях церкви и, в частности, ориентированности его действий на установленный, канонизированный порядок, причем, в среднем эти ожидания оправдываются, поскольку православно-верующие считаются «обязанными» участвовать в общностных культовых действиях. Если же они не желают участвовать, их заставит повиноваться неформальный «аппарат принуждения» - укор, осуждение со стороны собратьев по вере и т.п. Объективные данные, с которыми эти ожидания связаны – прежде всего принадлежность конкретного индивида к Русской Православной Церкви. Единый символ веры, совершение православных таинств, культ. Обычно вступление индивида в сообщество такого рода предопределено либо его рождением, либо воспитанием.

Русская Православная Церковь, согласно институциональной теории М.Вебера, как особое объединение ориентировано не только на установление, но и на «ожидание согласия». Н. А. Заболотский, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, подчеркивал, что для христиан Русской Православной Церкви характерен «поиск единомыслия и единодушия в вере, любви и надежде...» [4, с.66]. Став социальным институтом, Русская Православная Церковь включилась в систему властных отношений, сложившихся в обществе. Институциональное становление Русской Православной Церкви существенно трансформировало отношения между верующими: они стали опосредованы установлениями евангельской нравственности, кодифицирующими нормы и идеалы сообщества, правила, регулирующие их отношения с институтами власти. Превращение РПЦ в специфический социальный институт, вместе с тем, означало не только рост инстанций власти внутри и вне церкви, но и развитие форм коммуникационного взаимодействия верующих, где возможен поиск согласия, достижения общей точки зрения. Одним из уровней коммуникации, существующей при институте РПЦ, является в этом аспекте анализа и каритативная деятельность.

Каритативная деятельность РПЦ в рамках институционально-социологического подхода можно рассматривать как рациональное «новообразование», возникающее внутри союза верующих православных христиан. Развитие института данной деятельности православной церкви, согласно теории Макса Вебера, идет от конкретного рационального порядка типа целевого союза к созданию выходящих за его рамки действий на основе согласия между верующими по проблеме милосердия. Поведение православных верующих, основанное на согласии, в основе которого идея милосердия, характеризуется, во-первых, тем, что зачисление индивида в число участников каритативной деятельности происходит по обоюдному согласию без каких-либо преднамеренных официальных процедур с его стороны, во-вторых, отсутствием специальных установлений, определением по общему согласию порядка поведения для лиц, зачисленных в члены союза, корректировкой выбора конкретного вида милосердной деятельности (помощь больным в госпитале или лечебнице, вспомоществование престарелым, призрение детей-сирот или нищих и т.д.), распределением ролей между участниками деятельности, способными эффективно выполнять общую задачу, ранжированием членов союза по уровню компетентности, стажу, месту в системе управления и т.д., в третьих, готовностью вышеназванных носителей власти в рамках союза лично или через других лиц осудить, укорить средствами нравственного давления тех членов, которые не подчиняются принятому порядку.

Установления, существующие в таком сообществе православных верующих, определяют не только права и обязанности своих членов, но и фиксируют источники финансирования и поддержки со стороны других социальных институтов по отношению к каритативному институту РПЦ. Вышеперечисленные характеристики поведения верующих православной церкви представляют собой в совокупности и характеристики всего института милосердия РПЦ, включающего специфическую систему ценностей и норм, закрепленных в вероучении. Но институт милосердия РПЦ базируется не только на нравственных нормах и санкциях, но и на совокупности материальных ценностей и средств, пополняющихся как за счет самого института церкви, так и различных благотворительных акций поддержки со стороны иных социальных институтов, спонсоров и т.п.

Отметим, что институциональная теория М.Вебера позволяет нам конкретизировать определение института милосердия, выделить его основные элементы. Рассматривая институт каритативной деятельности, важно обратиться и к такому необходимому компоненту общностно-ориентированных действий как – смысловой ориентации на ожидание определенного поведения других и в соответствии с этим субъективной оценки шанса на успех собственных действий. Индивид в системе институциональных отношений каритативной деятельности, ориентирован на выбор цели, которая для него обладает самой «ожидаемой полезностью». Например, митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир считает, что одной из таких целей для человека, включенного в каритативную дея-

тельность, является победа над злом, созидание мира и добрых отношений среди людей [3, с. 2].

Изменение модели «ожидание-ценность» приводит к отчуждению, проявляющемуся в таких чувствах как страх, отчаяние, одиночество. Для того, чтобы избежать такого изменения модели поведения в нашей системе каритативной деятельности, необходимо ввести третий основной параметр – контроль за намерением и за выполнением действия. Помимо этого, необходимы специальные мотивы, импульсы, побуждения активирования намерения и контроля за его выполнением. Такими мотивами, побуждениями являются нормативные установления христианской церкви как – «возлюби ближнего своего как самого себя», «не убий», и т.п., а так же определенный «аппарат» нравственного контроля и принуждения. Успех ожиданий зависит и от того, приходит или нет индивид к согласию с другими лицами, достигает ли договоренности с ними, от соблюдения которой он, как ему представляется, будет иметь основание для достижения положительного результата своего ожидания [2, с. 545]. Одна из промежуточных целей индивида, входящего в институт милосердия РПЦ, - достижения согласия, например, между подающим и просителем (милостыня).

Рассмотрим более подробно процесс интеграции экспектаций подающего милостыню благотворителя и просителя, и одновременно сопоставим институты милостыни и призрения. Милостыня, по существу своему, не подвластна организации. Она подается тому, кто протягивает руку. Организация в общественном призрении проявляется двояким образом: по отношению к получающим и оказывающим ее. Милостыня исходит от индивидуума. Субъектом же общественного призрения является коллективное лицо – община верующих-христиан, например, организованная для милосердной деятельности. Мотивационное поведение просителя - достижение сострадания и материальной поддержки. Мотивами милостыни бывают субъективное ощущение, инстинкт сострадания, исполнение религиозной заповеди, забота о спасении души и т.п. Мотивами общественного призрения являются сознание гражданской солидарности между членами общины, общественный интерес. Цель милостыни – сиюминутная помощь. Цель общественного призрения – разумное обеспечение нуждающегося, предупреждение нищеты, одиночества и т.п. Это сопоставление свидетельствует о больших общественных перспективах института призрения, хотя и милостыня, представляющая верующим-благотворителям уникальные возможности оказания помощи ближним, более гибко реагирующая на изменение ситуации, способна подвергаться определенному упорядочению и контролю (например, предупреждение превращения ее в промысел, поборов нищенствующих).

Анализ в этом плане современной ситуации в России показывает, что ожидания благотворителей чаще всего направлены на одновременную помощь нуждающимся через различные организации (фонды и общества). Часть верующих считает, что нуждающемуся нужна прежде всего «личная помощь», то есть активное сопереживание и деятельная помощь своим трудом конкретному человеку. Большинство верующих считают, что каритативная деятельность возможна лишь по отношению к человеку, не являющемуся родственником, так как помощь близким определяется не жертвой, а долгом и инстинктом родственных отношений.

Рассматривая ожидания благотворителя, попечителя и просителя, следует отметить, что одной из важных особенностей их поведения является ориентация на сакральное возвышение уровня собственного духовного совершенствования. По утверждению В. О. Ключевского, «нищий был для благотворителя лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель. Благотворителю нужно было воочию видеть своего милостивца, чтобы знать за кого молиться» [6, с.3]. В основе этого мотивационного принципа лежит и ожидание полезности, способствующей интеграции ожиданий просителя и благотворителя. Через взаимную поддержку и потребность в сверхчудесном утешении и помощи как просителя, так и подателя, разрешается внутриличностный конфликт и напряжение, хотя реально не всегда ожидания просителя и подателя совпадают. Проситель чаще ориентиро-

ван не только на милостыню, но и на помощь трудом, активное участие в судьбе. Митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир справедливо отметил, что «как только постигают нас неизбежные жизненные трудности, скорби, болезни, лишения, нам необходима рука ближнего, человеческое сочувствие и участие» [8, с.2]. Проситель же не всегда может принять личное участие в деле милосердия. Возникшее напряжение разрешается при посредстве выработанных церковным институтом милосердия альтернативных решений, способных разрядить психологический дискомфорт. Институциональная задача состоит в том, чтобы не допустить напряжения, создавать механизмы, позволяющие его контролировать, удерживать в определенных рамках. Это предполагает известную степень гибкости нормативно-ценностных структур института милосердия РПЦ.

Дискомфортные ситуации и напряжения, существующие внутри института милосердия РПЦ соотносятся с социологической концепцией отчуждения – теорией институционализации. Институционализация несет в себе и аспект фетишизации социальных отношений. Для более полного рассмотрения данной проблемы необходимо обратиться к философской концепции отчуждения, разработанной Питером Бергером. В вышедшей в 1973 году книге «Бездомный дух. Модернизация и сознание», он соотносит отчуждение с постижением или искажением смысловых структур, конституирующих жизнь человека в истории его индивидуального формирования [7, с. - 149]. Отчуждение для Питера Бергера представлено отклонением реального самоощущения индивида от того, что он ожидает, разрывом между желаниями человека и нормами, предписываемыми социальной структурой. Подобная трактовка отчуждения дает нам возможность раскрыть каритативную деятельность как один из способов разрешения личностных напряжений. Милосердие выступает как разрешение напряжения между ролями и ожиданиями субъекта, преодоление разрушения личности.

Преодоление одиночества, страха и т.п. возможно при расширении движения «Милосердия», разнообразных видов каритативной деятельности. Например, в Ростовской-на-Дону епархии планируется открыть приют для совместного проживания одной семьей детей-сирот и стариков, оказывается помощь в больницах Ростова-на-Дону, приютах.

Нельзя не отметить такого положительного факта как объединение православных верующих в своей благотворительной деятельности. Так, 25 декабря 1990 года в соответствии с определением Священного Синода был образован Союз православных братств, основным направлением деятельности которого является оказание «помощи больным и страждущим» [5, с. - 56]. Члены Союза работают с больными раком крови детьми в детской республиканской больнице, ведется подготовка сестер милосердия в Первом православном медицинском училище. Одним из направлений деятельности Союза является работа с алкоголиками, наркоманами. Следующее направление каритативной деятельности Союза православных братств – работа с заключенными, например, в тюрьме под Санкт-Петербургом. Этот Союз беспокоит и проблема беженцев, которым распределяется гуманитарная помощь.

Можно привести массу примеров помощи больным, инвалидам, детям-сиротам и т.п. со стороны РПЦ не только в Москве, но и в других городах и регионах России. Помощь проявляется и в патронировании немощных, пеленании детей, уборке помещений, выполнении самой грязной работы, но необходимой для поддержания жизнедеятельности человека. Но не всегда можно успокоить ребенка, старика лишь дав ему поесть или попить, чаще всего требуется большее – чуткое отношение к несчастным в беде и одиноким, ласковое, нежное слово или улыбка, сердечный разговор или умение слушать, понять. Здесь нормативные экспектации попечителей ориентированы на наивысшую ценность – человеческую жизнь.

Милосердие приобретает очень существенную особенность с расширением сферы ожиданий и ролей, на которые индивид может, как он полагает, ориентировать свои действия. Институт милосердия РПЦ – это, прежде всего, наличие действий, основанных на вере в безусловную – этическую, религиозную самодовлеющую ценность каритативного

поведения. М. Вебер отличает ценностно-рациональную ориентацию действия от аффективного поведения (эмоционального), осознанным определением своей направленности и последовательно планируемой ориентации на нее. Общим для них является то, что их смысл состоит не в достижении какой-либо внешней цели, а в самом, определенном по своему характеру, поведении как таковом. Каритативная деятельность РПЦ – это деятельность, всегда подчиненная «заповедям» или «требованиям», в следовании которым (по М. Веберу) видит свой долг индивид.

В настоящее время значительно активизировалась благотворительная деятельность верующих РПЦ. Это определяется тем, что возрождаются традиции каритативной деятельности, а в связи с трагедией на Украине люди стали более милосердные, сплотились в общем патриотическом порыве. Нельзя забывать и то, что долгое время институт милосердия РПЦ не получал поддержки как моральной так и материальной со стороны общества, происходило разрушение основополагающих норм – наблюдался процесс деинституционализации. Вторичный этап институционализации еще далеко не завершен, а это говорит о том, что продолжается формирование нормативно-ценностных структур, рациональных установлений этого института, это подтверждает позиция большинства населения России по отношению к событиям на Юго-Востоке Украины, а значит и значительной части православных верующих.

Одним из центров организации каритативной деятельности может служить монастырь. Монастыри на Руси всегда были не только местом аскетического подвига, но и домом призрения сирот, вдов, больных и убогих. Каритативная деятельность в монастырях была представлена в различных формах (сиротские приюты, странноприимницы, вдовьи дома, больницы и т.д.). К сожалению, деятельность значительной части нынешних монастырей чаще всего не имеет такой направленности. Например, Толгский женский монастырь в Ярославской области является домом престарелых для духовенства РПЦ.

Развитие института милосердия РПЦ зависело от форм общественной жизни. Чем более динамичными, изменчивыми эти формы были, тем шире был диапазон интересов и видов каритативной деятельности. Чем стабильнее, однозначнее формы общественной жизни, тем более узок их диапазон. Источниками такой эволюции являются как эндогенные, то есть находящиеся внутри самой институциональной системы, так и экзогенные факторы. Важнейшими среди факторов воздействия на институциональную систему являются факторы социокультурной и личностной сфер. Под последней имеется в виду воздействие всего творческого потенциала личности на каритативную систему, проявляющуюся как способ собственного развития человека. Это, естественно, не просто ролевое функционирование личности.

Итак, институт милосердия РПЦ представляется таким организованным и упорядоченным на основе согласия по проблеме милосердия сообществом верующих, где рациональные установления определяют не только права и обязанности членов сообщества, но и фиксируют источники финансирования и поддержки каритативной деятельности со стороны различных социальных институтов, спонсоров. Нормальное функционирование этого института зависит от совместимости специфических ценностей религии с фундаментальными ценностями общества и от перспектив диалога по проблеме милосердия и сотрудничества христиан и свободомыслящих.

Список литературы References

1. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. Под ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1972.
American sociology. Prospects, problems, methods. Under red. G.V. Osipova. M.: Progress, 1972.
2. Вебер Макс. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
Veber M. Select works. Mcode.: Iđiđđđđđ, 1990.

3. Владимир, митрополит. Мир Вам! //Церковный вестник Ростовской-на-Дону епархии. - Ростов-на-Дону, 1992. №10.

Vladimir, metropolitan. World to you! //Cerkovnyy announcer to Vуna-Donu of diocese. - Rostov-na-Donu, 1992. №10.

4. Заболотский Н.А. Диалог в обществе// ЖМП. – М., 1977. № 10.

Zabolotskiy N.A. Dialog in obschestve // ZHMP. it is M., 1977. № 10.

5. Иоанн, игумен. Союз православных братств// ЖМП. – М., 1991.№6. – С.56.

Ioann, igumen. Union of pravoslavnykh of bratstv// ZHMP. M., 1991.№6. – S.56.

6. Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. – Сергиев Посад, 1892.

Klyuchevski Y.V.o. the Kind people of Ancient Rus. – Sergiev Posad, 1892.

7.См.: К.И. Никонов. Критика антропологического обоснования религии. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1989.

See.: K.I. Nikonov. Criticism of the anthropological stude of religion. –M.: University Press, 1989.

7. Общий долг – милосердие // Семья. – 1989. № 23.

Total debt – merci // Family. – 1989, № 23.

8. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976.

Rubinstein S.L./ hproblems of general psychology. – M.: Pedagogy, 1976.

9. Царенкова Е.А., Белова Е.В. Психологические аспекты институционализации милосердия Русской Православной церкви//Материалы всероссийской психологической конференции с международным участием «Категория смысла в философии, психологии. Психотерапии и в общественной жизни» (Ростов-на-Дону, 23- 26 апреля 2014г.) – М.: КРЕДО, 2014.- С. 266 -270.

Sarenkova E.A., E.V. Belova. Psychological aspects of institutionalizing charity Russian Orthodox Church // Proceedings of the All- Russian psychological conference with international participation « Category meaning in philosophy and psychology. Psychotherapy and psychology. Psychotherapy and in public life» (Rostov-on-Don, 23-26 April 2014). – M.: CREDO, 2014 – S. 266 – 270.

10. Царенкова Е.А., Пономарев В.П. Свобода совести и государственно-конституционные отношения как координация смыслов в межличностном общении // Материалы всероссийской психологической конференции с международным участием «Категория смысла в философии, психологии. Психотерапии и в общественной жизни» (Ростов-на-Дону, 23-26 апреля 2014г.) – М.: КРЕДО, 2014. – С.272 -275.

SarenkovaE.A., PonomarevV.P. Freedom of conscience and public constitutional relations as a coordination of senses in interpersonal communication // Proceedings of the All- Russian psychological conference with international participation « Category meaning in philosophy and psychology. Psychotherapy and psychology. Psychotherapy and in public life» (Rostov-on-Don, 23-26 April 2014). – M.: CREDO, 2014 – S. 272 – 275.